

УДК 821.112.2

ОБРАЗ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В РОМАНЕ А. ЗЕГЕРС «ТРАНЗИТ»

К. М. РАКИЦКАЯ

(Представлено: Л. Н. СЕМЧЁНОК)

Анализируется художественное своеобразие образа Германии 1930–1940-х годов на страницах романа А. Зегерс «Транзит». Выделяются следующие поэтические особенности произведения: его автобиографизм и библейский символизм.

В истории Германии 1930-е годы ознаменованы установлением в стране тоталитарной национал-социалистической диктатуры во главе с Адольфом Гитлером. Более чем на десятилетие культурный процесс в Германии был разделен на литературу эмиграции (преимущественно антифашистской направленности) и литературу внутри страны. Одной из ключевых фигур антифашистской литературы в эмиграции является немецкая писательница еврейского происхождения Анна Зегерс (настоящее имя Нетти Радвани (Netti Radvani), урождённая Рейлинг (Reiling)). Одним из ключевых романов, написанных А. Зегерс в период эмиграции с 1933 по 1947 год, стал её эмигрантский роман «Транзит» (Transit, 1943).

Роман «Транзит» рассказывает историю эмигранта, вынужденного бежать из фашистской Германии. Главный герой романа, немец Зайдлер, являлся в прошлом узником немецкого концентрационного лагеря, которому всё же удалось совершить побег и покинуть территорию нацистской Германии. После этого Зайдлер перестал быть просто «немцем», для представителей власти он стал настоящим изменником и врагом: «...ich sei auch ohne Partei damals in Deutschland ins KZ geraten, weil ich mir auch ohne Partei manche Schweinerei nicht gefallen ließ» [3] («...я угодил в Германии в концлагерь. Потому что, и не занимаясь политикой, не мог равнодушно глядеть на свинство» [1, с. 13]). В качестве политзаключённого Зайдлер попадает в рабочий французский лагерь. В один из дней, когда немцы начинают нещадно бомбить позиции французов, возникший хаос помогает герою сбежать: «Manche beschlossen, sich aus dem Staub zu machen, aus dem Staub vor dem Jüngsten Gericht!» [3] («Некоторые решили удрать – удрать от Страшного суда!» [1, с. 5]). Описывая историю своего побега из трудового лагеря, Зайдлер использует хорошо известный в христианском мире образ Страшного суда. В религиозном понимании, Страшный суд или Судный день – это последний суд Божий, который должен выявить праведников и грешников, в результате чего первые получают вечное блаженство, а последние – наказание. Для карательного аппарата Третьего рейха «праведниками» были чистокровные «истинные» немцы, а все «иноверные» должны были быть порабощены или уничтожены. Устами главного героя Анна Зегерс транслирует своё восприятие действительности: современная для писательницы ситуация в фашистской Германии представлялась ей библейским «Концом света»: «In unserem Lager begann der Hexentanz. Manche weinten, manche beteten, mancher versuchte, sich das Leben zu nehmen, manchem gelang es» [3] («В лагере начался настоящий дьявольский шабаш: одни плакали, другие молились, третьи пытались покончить с собой, кое-кому это удавалось» – перевод мой – К.Р.).

В период с 1933 по 1945 год в концентрационных лагерях Германии оказались запертыми тысячи немцев. Страх перед гитлеровцами поглощал умы не только бежавших из Германии немцев, но и представителей других народов, пытавшихся найти спасение в неоккупированных странах: «All die Ordnung, all die Befehle hätten das furchtbarste Durcheinander bewirkt, Blut, Schreie von Müttern, die Auflösung unserer Weltordnung» [3] («Безупречный строй колонны, выкрики команд посеяли среди беженцев ужасную панику. Началась давка, полилась кровь, заголосили женщины, – казалось, наслал конец света» [1, с. 8]). Проезжая мимо бесконечной, тянувшейся к спасению линии беженцев, колонны мотоциклистов походили на тёмно-зелёных предвестников Конца света. Добравшись до юга Франции, ещё не захваченного немцами, беженцы чувствовали себя спокойнее, ожидая спасительные транзитные визы и пароходы в Южную Америку или США. Однако это умиротворение время от времени нарушала проезжающая по набережной машина со свастикой: «Die Menschen gebärdeten sich, als sei der Leibhaftige selbst die Cannebière hinuntergerasselt, als könnte er die verlorene Herde fangen in seinem Pferch aus Stacheldraht» [3] («Но беженцы вели себя так, словно сам сатана промчался вниз по Каннебьер, словно он вот-вот загонит за колючую проволоку своё разбежавшееся стадо» [1, с. 116]). Выстраивая образный ряд наступления Страшного дня, Анна Зегерс обращается к приёму антитезы, заменяя истинного Судью лже-пророком Адольфом Гитлером, претендующим на роль национального лидера, Божественного спасителя немецкого народа, пастуха, ведущего за собой стадо овец и уничтожающего всё человеческое своей политикой антисемитизма, национализма и милитаризма. В книге Откровение Иоанна Богослова (глава 6) предшественниками Судного дня являются четыре всадника: Завоеватель (чаще именуется как Чума), Война

(иногда Раздор), Голод и Смерть. Символично, что до «судного» 1933 года Германия уже пережила два крупных экономических кризиса, сказавшихся на качестве жизни немцев. Анна Зегерс в характерной для нее манере «крупных художественных мазков» изображает настоящее нацистской Германии как Апокалипсис, а самого Гитлера в символической форме как Смерть, поглощающую человечество: «Schon rückte der Tod immer dichter nach mit seiner noch immer unversehrten, knarrenden Hakenkreuzfahne» [3] («Смерть, размахивая пока ещё торжествующим знаменем со свастикой подходила всё ближе и ближе» [1, с. 51]). В 1932 году, ещё до прихода к власти, А. Гитлер на одном из собраний НСДАП выступил с планом создания «расовой империи», господствующей не только над Европой, но и над всем миром. Только в начале Второй мировой войны данный план успешно реализовывался Третьим рейхом и его союзниками – в 1939-1940-х годах почти вся Европа была оккупирована нацистами. У И. Богослова читаем: «И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нём всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» [2, глава 6, стих 8].

В апреле-июне 1940 года были оккупированы территории Дании и Норвегии, перед лицом нацистов капитулировали Люксембург, Нидерланды и Бельгия. Даже Франция, являясь на тот момент одной из сильнейших стран Европы, наряду с Великобританией и самой Германией, 22 июня 1940 года вынуждена была официально «поднять белый флаг». Чем лучше люди стали обживаться на марсельском «острове стабильности», тем болезненнее воспринимались ими любые упоминания о войне и гитлеровцах: «Ich sah in dem Nebel aus Spiegel und Rauch und Glas ein paar Hakenkreuze herumzucken. Gerade weil mir bei ihrem Anblick kalt wurde, gewahrte ich sie alsbald, wo immer sie steckten, wie ein Mensch, dem es vor *Spinnen* graust, ihrer immer gewahrt wird. Doch hier in der durchgewärmten Halle am Boulevard d'Athènes bestürzten sie mich noch mehr als daheim...» [3] («Сквозь зеркально-дымное марево я неясно различал свастики. Именно потому, что от вида свастик меня мороз продирает по коже, я не мог отвести от них глаз, подобно человеку, который, боясь *пауков*, всегда замечает их первым. Но здесь, в теплом холле на бульваре д'Атен, свастики внушали мне больший ужас, чем у меня на родине...» [1, с. 180]). Писательница в символической форме сравнивает нацистов с пауками (*die Spinnen*), стремительно окутывающими весь мир пеленой паутины. Здесь уместен и используемый Зегерс приём антитезы: «hier in der durchgewärmten Halle / bestürzten sie mich noch mehr als daheim» («здесь, в теплом холле / внушали мне больший ужас, чем у меня на родине...»), изображая диаметрально противоположные явления умиротворения и страха, писательница показывает степень проникновения нацистского «яда» в некогда спокойные «частички рая» на земле.

Одной из наиболее острых психологических проблем, с которой сталкиваются герои большинства эмигрантских романов, становится «кризис идентичности», когда в сознании человека стирается грань между понятиями «наци» и «немец». Оказавшись на другом континенте, Анна Зегерс также испытывала чувство «бездомности», однако она окружила себя работой и пыталась наладить утраченные простыми немцами жизненные ориентиры. Главный герой романа «Транзит» фактически является рупором немецкой нации, выгнанной из собственной страны своими же соотечественниками: «Ich grämte mich, dass all der Unfug aus meinem Volk gekommen war, das Unglück über die anderen Völker. Denn dass sie sprachen wie ich, dass sie piffen wie ich, daran war kein Zweifel» [3] («Мне было тяжело, что все эти бесчинства творил мой народ, что он принёс несчастье другим народам. Ведь серо-зелёные парни говорили на том же языке, что и я, насвистывали те же мелодии, что и я, – в этом не было сомнения» [1, с. 9]). Зайдлер отдаёт себе отчёт, что хладнокровные нацисты – это такие же немцы, как и он сам, – у них общая Родина, общий язык, общая история. Но именно факт этнического родства с главным «мировым злом» XX века и приводит к моральному истощению героя. Осознание того, что ящиком Пандоры теперь является Германия, окончательно выбивает его из колеи. «Враг – это тот, кто угрожает!», – такая установка заложена в человеке с рождения, но когда угрозу начинают представлять соотечественники, человек теряет точку опоры в жизни: «Auf was wartest du eigentlich? Du bist doch schon längst in der Hölle.» Das war sie nämlich: ein blödsinniges Warten auf nichts. Was kann denn höllischer sein?» [3] («Чего ты, собственно говоря, ждёшь, ты ведь уже давно в аду». Вот он, ад – дурацкое ожидание неизвестно чего. Разве это не адские муки?» [1, с. 159]).

Зегеровский герой, ставший жертвой нацистского режима, на своём опыте прочувствовавший жестокость гитлеровских палачей, не понаслышке знал о страшной силе гнева Третьего рейха. Учитывая количество репрессированных за годы правления Гитлера (около 3,5 млн. немецких граждан), символическое наречение «Судный день» растянулось на долгих 12 лет – с 1933 по 1945. Однако за всеми этими бесчинствами стояли не могущественные всадники Апокалипсиса, а получившие безграничную власть эзэсовцы: «Ich weiß nicht; was ich mir unter der Ankunft der Deutschen vorgestellt hatte: Donner und Erdbeben. Es geschah aber zunächst gar nichts anderes als die Anfahrt von zwei Motorrädern hinter dem Gartenzaun. Die Wirkung war ebenso groß, vielleicht noch größer» [3] («...Не помню теперь, как я представлял себе

тогда приход немцев – как гром или как землетрясение. Ничего подобного не случилось – только появились два мотоцикла за забором сада. Но впечатление это произвело не меньшее, может быть, даже большее» [1, с. 7]). Двойственные образы фашистов в романе создают ощущение зыбкой грани между двумя противоречивыми понятиями «нацист» и «немец». С одной стороны это простые люди в форме, а с другой стороны – способные на страшные поступки хладнокровные солдаты Вермахта.

Зегерс как мастер художественного слога передаёт страшную реальность современной для неё Германии, используя библейские мотивы: Судный день, Сатана, пытающийся загнать за колючую проволоку разбежавшееся стадо, Ад, хаос. Вереница символических образов помогает усилить трагизм и делает роман своеобразной летописью, рассказывающей о тысячах людей, вынужденных скрываться от соотечественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зегерс, А. Транзит. Рассказы / А. Зегерс. – М. : Худож. лит., 1978. – 324 с.
2. Толкование Откровения Св. Иоанна Богослова [Электронный ресурс]. – Режим доступа www.apocalypse.orthodoxu.ru. – Дата доступа 27.05.2020.
3. Seghers, A. Transit / A. Seghers [Электронный ресурс]. – Режим доступа www.goethe.de. – Дата доступа 24.05.2020.